

Раздел 1.
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

*В.В. Ивантер**

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В РОССИИ В 2018 г.:
АНАЛИЗ И КРАТКОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ

В статье рассматривается положение дел, которое сложилось в российской экономике в сентябре 2018 года. Автор анализирует внешние и внутренние причины падения обменного курса рубля, оценивает влияние санкций Запада на российскую экономику, разбирает недостатки современной российской макроэкономической и макрофинансовой политики. Кроме того, автор оценивает потенциал роста, которым обладает современная российская экономика, и предлагает меры, позволяющие реализовать этот потенциал.

Ключевые слова: экономический рост, санкции, российская экономика, потенциал роста, экономическая политика

V.V. Ivantsev

SITUATION MACROÉCONOMIQUE
EN RUSSIE EN 2018:
ANALYSE ET PRÉVISIONS À COURT TERME

L'article traite de la situation qui s'est développée dans l'économie russe en septembre 2018. L'auteur analyse les causes externes et internes qui ont entraîné la baisse du taux de change du rouble, évalue l'impact des sanctions occidentales sur l'économie russe et examine les lacunes des politiques macroéconomiques et macrofinancières modernes de la Russie. En outre, l'auteur évalue la croissance potentielle de l'économie russe moderne et propose des mesures pour réaliser ce potentiel.

Mots-clés: croissance économique, potentiel de développement, taux de change, politiques macroéconomiques

** Виктор Викторович Ивантер – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель ИНИП РАН, сопредседатель постоянно действующего российско-французского семинара, Москва / Victor Victorovitch Ivantsev – académicien de l'Académie des sciences de Russie, Doctorat en sciences économiques, professeur, directeur scientifique de l'IFE de RAS, coprésident du séminaire russo-français permanent, Moscou.*

В России в августе каждый год обсуждается вопрос – случится очередной дефолт или нет. Это традиция сохраняется уже много лет. В нынешнем 2018 г. никакого дефолта не произошло. Однако при этом сегодняшнюю ситуацию в российской экономике, особенно в денежной сфере, можно назвать очень интересной. Почему? А потому что все эксперты осенью 2018 г. спрашивают друг друга: что происходит? Никто не понимает. Причём включая и тех людей, которые должны управлять денежно-кредитной системой. Представители денежных властей выступают с частичными объяснениями, но при этом оговариваются, что не уверены в своих выводах.

Сразу надо сказать, что на самом деле российская денежная система сегодня находится в очень хорошем состоянии. Размер внешнего госдолга минимален. С макроэкономической точки зрения можно считать, что влияние этого долга на ситуацию равно нулю. Валютные резервы на сегодня – примерно 460 млрд. долл. США. А масштаб критического импорта, для финансирования которого теоретически и нужны эти резервы, по самой высокой оценке не превышает 130 млрд. долл. Иными словами, мы можем три года ни одного цента не получать от внешнего мира и, тем не менее, спокойно покупать за рубежом все то, без чего жить не можем.

Цена на главный экспортный товар России – нефть – в данный момент превышает 70 долл./барр. А бюджетное правило предписывает, что все доходы от экспорта нефти по цене выше 40 долл./барр. должны направляться в резервы. При этом министр финансов объясняет, что фактический курс рубля сегодня на 20% занижен по отношению к равновесному в связи с действиями его министерства. По сути, он говорит следующее: если бы не наши рублёвые интервенции, связанные с бюджетным правилом, доллар стоил бы 50 руб., а не 64.

При этом нет ни одного реального инвестора, который бы ушёл с российского рынка. (Кроме Эксон-Мобил. Кстати, эта компания потеряла миллиард долларов на том, что по договоренности с Роснефтью за свой счет пробурила скважину на шельфе. Но потом под давлением американского правительства ушла из России и лишилась возможности получать доходы от продажи добываемой с помощью этой скважины нефти. Другими словами, американцы по факту наказали не Роснефть, а Эксон-Мобил. Но это их внутренние дела.)

Однако, что же всё-таки случилось на российском валютном рынке? Интеллигентно это называют волатильностью рубля, но на самом деле произошла его 10-процентная девальвация. Это привело к реальным потерям населения. Во-первых, внутри страны выросли цены на импортную продукцию. Во-вторых, российские туристы, которые отправились за границу, потратили больше, чем рассчитывали.

Дальше начались стандартные объяснения со стороны наших финансовых властей: мы ни при чем, а виноваты Аргентина, Мексика, Турция и ЮАР. Дескать, у нас теперь рыночная экономика, и если какая финансовая зараза возникает в мире, то обязательно придет к нам.

Это не новая идея. В 1998 г. нам точно так же объясняли, что дефолт и девальвация в России случились из-за проблем в Юго-Восточной Азии, а экономическая политика правительства была в целом правильной, только чуть-чуть не повезло.

Что еще интересно. Нам только что объяснили, что произошла замечательная вещь: курс рубля полностью отвязался от цены на нефть. Посмотрите, сказали нам, когда цена на нефть растёт, у нас рубль всё равно стабилен и ВВП не растёт. И это якобы очень здорово. Но я уверяю вас: в действительности, как только цена на нефть снизится, рубль тоже начнет падать. И тогда нам будут говорить следующее: у нас рыночная экономика, которая всё замечательно балансирует. И когда население это поймёт, тогда оно осознает, что девальвация – это нормально, поскольку она помогает сохранять резервы.

Также хотелось бы, чтобы кто-то внятно объяснил, зачем в этих условиях Минфин заимствует деньги на внешних рынках? Имея в своем распоряжении 460 млрд. долл. свободных ресурсов, которые не используются? Нам действительно удастся продавать обязательства Минфина нерезидентам. А зачем? То, что мы от них получаем, все равно опять отправляем на хранение туда, где взяли – за рубеж.

Теперь об экономических санкциях против России. Вообще говоря, санкции – это политическое безобразие. Как с моральной, так и с юридической точки зрения. Западные партнеры много лет рассказывали нам, как нехорошо и как недемократично ограничивать свободу торговли. И сами же в весьма грубой форме принцип свободной торговли и нарушили.

Однако в целом проблема санкций гипертрофирована. Потому что Россия последние 100 лет почти всё время живёт в условиях каких-нибудь санкций. Это вполне естественная часть нашего бытия. И мы в основном научились с этим справляться.

В чем сейчас заключаются санкции? Объявлено, например, что России не будут продавать никакие высокие технологии. А что, разве до этого продавали? Вы помните – несколько лет назад российские собственники хотели купить Опель. Компанию неплохого, но вовсе не самого передового технологического уровня. Но все равно русским не дали ее купить! С этой точки зрения сейчас ничего особо нового в отношениях между Западом и Россией не появилось.

При этом обращаю ваше внимание: санкции со стороны США, как они сами везде говорят, никоим образом не касаются ракетно-космического сотрудничества. Я далёк от того, чтобы утверждать, что наши космические технологии безупречны, но всё-таки это пока мы возим американцев наверх к орбитальной станции, а не они нас. Следовательно, мы и без них способны решать многие сложные технологические задачи.

Что касается нашей зависимости по электронным компонентам, то сегодня эта зависимость не от США и Европы, а от Китая. А Китай, как известно, никаких санкций вроде бы вводить не собирается.

Конечно, Россия понесла и реальные потери от санкций. Прежде всего, от разрыва технологических связей с Украиной, где, в частности, производились двигатели для наших военных вертолётов и фрегатов. Это обстоятельство потребовало от нас создания новых мощностей по выпуску высокотехнологичной продукции, и мы еще не полностью справились с этой задачей.

Есть еще один аспект санкций, который может оказать определенное влияние на Россию. Это угроза ограничить расчёты в долларах. Если так случится, то это действительно осложнит работу наших банков. Я не исключаю, что издержки у них вырастут. Но реальный сектор нашей экономики от этого шага не потеряет практически ничего.

Гораздо более драматическое влияние на ситуацию в нашей экономике, как мне кажется, оказывает догматический характер управления нашей денежной системой. Ущерб от такого управления значительно больше, чем от санкций.

Главная причина догматизма в нашей бюджетно-финансовой политике – это очень простое, можно сказать, чисто житейское предубеждение. Оно формулируется так: ежели кому-то в России дать бюджетные деньги, то их обязательно украдут.

Из этого «правила» есть исключения. Если использование бюджетных денег находится под хорошим контролем (самый

лучший случай – личный контроль со стороны Президента России), то деньги выделяются быстро и в нужном количестве. В результате всё делается быстро и хорошо.

Классический пример – Крымский мост. Его строительство было под наблюдением Президента и была уверенность, что все сроки будут соблюдены. А вот если такого контроля нет, то наши финансовые власти уверены, что деньги давать нельзя. Как следствие, реальный сектор экономики находится на голодном кредитном пайке, а попытки все-таки найти способы увеличить инвестиции в производство в значительной степени саботируются. Ни проектное финансирование, ни целевые программы, ни другие технологии доведения денег до реального сектора так и не заработали в полную силу, так как масштаб реально выделенных на эти цели ресурсов оказался крайне ограниченным.

А дальше возникает следующая логическая цепочка: если деньги давать нельзя, то что с ними надо делать? А вот что: давайте их складывать «на чёрный день». Что, собственно, и происходит.

Впрочем, есть ещё одно содержательное объяснение, почему надо складывать деньги в резерв. Считается, что избыточные денежные ресурсы России – это не результат эффективности экономики, а результат благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. И если полученную от экспорта валюту тратить без ограничений, то это приведет к росту импорта. А много импорта – это опасная зависимость, так как внешнеторговая конъюнктура может ухудшиться. Как гарантированно уменьшить этот риск? Правильно – отправить «излишние» экспортные доходы в резервы.

В то же время наш Институт отстаивает идею о том, что это не единственный рациональный способ использования экспортных доходов. В частности, перед Россией стоит задача диверсифицировать свой экспорт и, прежде всего, за счет увеличения поставок высокотехнологичной продукции.

Мы уже экспортируем высокие технологии через продажу вооружений, но это специфический экспорт, связанный с геополитикой и не слишком рыночный. При этом мы хотим иметь масштабный экспорт и высокотехнологичной гражданской продукции. Но, как знают все экономисты, за наличные деньги продаются только энергия и продовольствие. Для продажи всего остального необходимы кредиты. Если мы хотим, чтобы нашу высокотехнологичную продукцию, например, в области энергетического

машиностроения, покупали, мы должны обеспечить наших потенциальных зарубежных покупателей кредитами. И тогда вероятность покупки нашей продукции резко увеличится. Вот для таких кредитов зарубежным покупателям наших высокотехнологичных товаров и пригодятся доходы, полученные от сырьевого экспорта.

Теперь несколько слов о том, как «плавающий» курс рубля может стать более стабильным. Вообще говоря, для поддержания стабильности курса можно использовать хорошо известные, можно сказать, вполне обычные финансовые технологии. Если вы хотите, чтобы не было спекулятивных всплесков на денежном рынке, надо, чтобы нерезиденты работали по определённым правилам. Эти правила должны предусматривать временные лаги между продажей и покупкой. Иными словами, в рамках этих правил некоторые финансовые активы нельзя перепродавать сразу после покупки, а можно только через определенное время. В результате организовать масштабные краткосрочные спекуляции, эксплуатирующие человеческую панику, будет весьма затруднительно. Это правило очень широко используется во всём мире, и ничего антирыночного в нём нет.

Ещё один момент. Наш макрорегулятор – Центральный Банк – не просто имеет информационную власть над финансовыми рынками. Он же ещё имеет своих комиссаров во всех крупных финансовых учреждениях. В действительности он полностью контролирует ситуацию. Почему же в этих условиях реальные проблемы, как, например, в декабре 2014 г., решаются с помощью Президента России? Возникли проблемы с курсом, и Президент лично советовал экспортерам продавать валютную выручку. Почему этого не мог сделать Председатель ЦБ? Непонятно.

Аналогичным образом развиваются события при росте цен на бензин. Специфика инфляционных ожиданий населения в России состоит в том, что они формируются не столько от наблюдения за ростом цен на молоко и хлеб, сколько от наблюдения за ростом цен на бензин и роста курса доллара по отношению к рублю. Но возникает впечатление, что об этом знают везде, кроме Центрального Банка. Во всяком случае, я не помню, чтобы ЦБ в ходе своей борьбы с инфляционными ожиданиями хоть раз как-то попробовал отреагировать на рост цен на топливо. Каждый раз этим вопросом Президент вынужден заниматься лично. Что, конечно, неправильно.

В то же время я хотел бы отметить и позитивные моменты в деятельности Центрального Банка России. Их, на самом деле, немало. В частности, в отличие от того, что было в 1990-х годах, ЦБ организовал прекрасно действующую систему платежей, проводит реальную чистку банковской системы от мошенников и т.д.

Рассмотрев некоторые макрофинансовые вопросы, я хотел бы перейти ко второй части – к ситуации в реальном секторе российской экономики.

Первое. Никакого экономического кризиса в России на данный момент нет.

Второе. В России идёт экономический рост. Это реальный рост. Есть разные оценки, но все сходятся на том, что прирост ВВП по итогам года составит от одного до полутора процентов. Это не фронтальный рост, какие-то сектора растут быстрее, какие-то не растут совсем. В пространственном разрезе есть разница в темпах роста: какие-то регионы более успешны, какие-то – менее. Но в целом, движение российской экономики, по европейским меркам, вполне хорошее.

Но почему недовольно наше общество? Потому что при сходных темпах экономического роста в России и Европе, базовый жизненный уровень здесь и там существенно различается. Тем более что с конца 2014 г. реальные доходы населения России существенно упали. По официальным оценкам – на 10-11%.

Ещё одна социальная проблема заключается в том, что очень большое неравенство в доходах между различными группами российского населения, которое возникло в 1990-е годы, сохраняется до сих пор.

Но основная проблема – это всё-таки стагнация в доходах населения. И это весьма опасно для страны. Напомню, что в СССР с 1975 по 1985 г. реальные доходы населения не падали. Но при этом они и не росли. И после этих 10 лет все, от уборщицы до партработников возненавидели существующую экономическую систему, а затем коллективно развалили страну. Запад в той истории был совершенно ни при чём, мы всё сделали сами. Вот к чему может привести стагнация уровня жизни.

В то же время нынешний экономический рост, который макроэкономисты называют инерционным, довольно устойчив. Эти 1-2% прироста ВВП мало зависят от качества экономической политики. Экономика может обеспечить этот рост сама, без поддержки со стороны

правительства. Рыночные агенты так или иначе действуют, используя собственные ресурсы, и это дает результаты.

Хочу привести забавную аналогию. При советской власти у нас были так называемые субботники. По субботам мы собирались и помогали строить здание нашего института. Лет 10 строили. Это было довольно приятное времяпровождение, люди не столько работали, сколько выпивали... А режим работы был такой: четверо человек стоит около ямы, которую надо выкопать. При этом один копает, а трое треплются. Потом тот, кто копает, устаёт и перестаёт копать. Но тут же, безо всякой договоренности, кто-то из болтающих спускается в яму и продолжает копать. Процесс продолжался автоматически – кто-то всегда брал лопату и делал дело. Вот именно так сейчас складывается ситуация и в российской экономике – заняты делом далеко не все, но кто-то всё равно продолжает работать и обеспечивает хоть и слабый, но рост.

В той же Москве вы видите, что строятся дороги, дома, метро. Если всё это строится – нужны стройматериалы и металлоконструкции. Потом потребуются мебель, сантехника, товары длительного пользования. Всё это тоже надо будет произвести. Эта деятельность создает экономическую инерцию, которая достаточно устойчива сейчас.

Что касается перспектив экономического роста в России, то мы неоднократно говорили, что потенциал такого роста в стране – 6-8% прироста ВВП в год. Это максимальная оценка, но и 5% в год будет очень неплохо, если такие темпы продержатся 10 лет. Учитывая, что экономическая инерция сама по себе создает прирост около 2% в год, нам с помощью экономической политики надо добавить не так много – примерно 3%.

Недавно команда А.Широва сделала расчёты для президентской комиссии по топливно-энергетическому комплексу (ТЭК). Был оценен возможный вклад проектов, который предполагается реализовать в ТЭКе. Нефть, уголь, теплоснабжение – всё вместе взятое даёт возможность обеспечить прирост ВВП ещё на 1,5% в год. Таким образом, проекты во всех остальных отраслях должны дать ещё дополнительно 1,5%. С этой точки зрения особенно важны жилищное строительство и действия по реанимации отечественного машиностроения (которые в какой-то мере уже начались).

Как это планируется делать? Сейчас уже сформулирован набор национальных проектов в основном социального характера.

Это проекты, нацеленные на развитие здравоохранения, образования, жилищного строительства, инфраструктуры. Стоимость реализации этих проектов властью оценивается в 8 трлн. руб. дополнительных бюджетных расходов.

Но где планируется взять деньги на национальные проекты? Имея совершенно ошеломляющий объём финансовых резервов и планируя профицит бюджета, наше правительство, тем не менее, инициирует увеличение налоговой нагрузки. В частности, ставка НДС со следующего года вырастет с 18 до 20%. Такая вот анти-социальная работа для решения социальных проблем.

При этом финансовые власти продолжают утверждать, что ограничение инфляции – это ключевая для них цель. Но решения принимаются ровно обратные – совершенно явным образом разгоняющие инфляцию.

Какой вывод из всего сказанного? Утверждение, что в России дурная экономическая политика – нельзя считать верным. В действительности у нас нет никакой экономической политики. Её не существует. Есть политика у Центрального Банка. Можно спорить о том, хорошая она или плохая, но, по крайней мере, мы знаем ее цели – снижение инфляции, поддержание стабильности рубля и национальной банковской системы. Есть политика у Минфина – стремление к бездефицитному бюджету, сокращение расходов, повышение доходов. А какие внятные цели у экономической политики? Чего конкретного Минэкономразвития хочет добиться? Кто-нибудь способен объяснить? Хотя именно экономическая политика должна быть главной в стране, а денежно-финансовая и бюджетно-налоговая политики должны ее обслуживать.

Есть идея профессора М.Ксенофонтова о так называемой латентной экономической политике. Латентная экономическая политика – это политика, построенная на отдельных конкретных решениях – там решили Крымский мост построить, там порты в Финском заливе, там хотят увеличить провозную способность БАМа и Транссиба. Это, безусловно, приводит к каким-то позитивным результатам в экономике. Иными словами, каждое обладающее ресурсами ведомство или государственная корпорация делает, что вздумается, и в конце концов это во что-то выливается. Но поскольку такой процесс неуправляем, то он порождает ситуацию, которую мы называем структурно-технологическим неравновесием.

В чем заключается такое структурное неравновесие сегодня? Это отсутствие многих необходимых стране производств, например, станкостроения; это неиспользуемые мощности и неиспользуемая рабочая сила. Не нужно обольщаться низкими процентами безработицы. Дело не в том, что статистики что-то неправильно считают. Просто уровень реальной загрузки формально занятых в производстве людей очень низок. При этом многие предприятия не могут избавиться от избыточной рабочей силы по социально-политическим соображениям.

Помните Новоліпецкий металлургический комбинат? Мы там семинар проводили в 2008 г. Владелец этого комбината, очень симпатичный мне человек В. Лисин лет 12 назад говорил нам, что без труда может сократить численность работников комбината в 2-3 раза. И по формальным признакам всё будет замечательно: вырастет производительность труда, вырастут зарплаты всех оставшихся, снизятся издержки производства... Но что произойдет с уволенными людьми? Куда они пойдут работать в Липецке, где нет предприятий, способных принять на работу такое число работников? Что будет с семьями уволенных? При этом понятно, что региональные и федеральные власти тоже не будут довольны таким развитием событий. Поэтому он предпочитает иметь избыточную численность, чтобы не обострять социальные проблемы.

Закончить я хочу следующим.

Да, в России сейчас невнятная финансово-кредитная и бюджетно-налоговая политика.

Да, у нас в лучшем случае есть латентная, в худшем случае вообще никакая макроэкономическая политика.

Да, нам надо срочно улучшить кадровый состав и качество работы Министерства экономического развития. Там не должны принимать решения люди, которые никогда ни на каком производстве не были и очень смутно представляют себе, как работает реальная экономика.

И, несмотря на всё это, прирост ВВП в 2018 г. ожидается на уровне 1,5%. И вполне возможно, что вопреки официальному прогнозу Минэкономразвития, который в 2019 г. предсказывает прирост ВВП на 1,3%, экономика сможет обеспечить и более высокие темпы. Если экономические власти просто не будут совершать никаких масштабных безобразий. Не мешайте людям, и будет 2% прироста ВВП и даже больше.